

ВЕДЬМА для БЕССМЕРТНОГО

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

Ведьма для бессмертного

<https://litres.ru/73908906>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОТ АВТОРА - КНИГА БЫЛА ОБНОВЛЕНА, ПРОШЛА ПОЛНУЮ РЕДАКТУРУ И ВЫЧИТКУ. ВСЕМ СПАСИБО ЗА ОТЗЫВЫ

До двадцатипятилетия ведьмы-палача Мары Вейл осталось двадцать девять дней. Если до этого срока она не заключит магический союз, тьма, которую Мара годами вытаскивала из чужих тел, поглотит её саму.

Корона уже всё решила: семь подходящих женихов, идеальная совместимость и быстрый брак ради спасения последней ведьмы древнего рода.

Есть только одна проблема.

Первый кандидат умирает ещё до официального знакомства.

А затем кто-то начинает убивать остальных — тем же проклятием, которое Мара умеет чувствовать лучше всех.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Чёрные корни	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Маргарита Кирова

Ведьма для бессмертного

ОХОТА НА МУЖА

ДЛЯ ВЕДЬМЫ-ПАЛАЧА

Пролог

В ночь перед казнью снег так и не пошёл.

Он стоял над дворцом белёсой взвесью; небо всё никак не решалось на снег. Из окна башенной камеры Иара Вейл видела западную стену, тёмные стёкла королевских теплиц и внутренний двор, где двое плотников уже примеряли доски к будущему помосту.

Этот двор Иара знала наизусть: где весной проступает плесень между плитами, в каком окне кухни по ночам воруют пироги, какая ступень у северной галереи скрипит так громко, что на ней невозможно подслушивать. Четырнадцать лет при дворе оставляют человеку множество бесполезных знаний.

Самое полезное знание она получила слишком поздно.

Ключ в замке повернулся один раз.

Потом второй.

Иара не обернулась.

— Если это исповедник, я уже всё сказала. Если палач — рано. Если канцлер — пусть идёт к демонам и захватит там очередь.

Дверь открылась без ответа.

Шаги были тихими, но не осторожными — точными. Вошедший не боялся разбудить стражу; скорее стража боялась помешать ему.

Рейн Арден закрыл дверь и остановился у стены.

На нём не было церемониального плаща Королевского Щита, только чёрный кафтан, меч и тёмная металлическая пластина у горла. В полумраке он казался моложе, чем был, и старше, чем способен выглядеть живой человек. Иара когда-то пыталась угадать его возраст. Бросила эту привычку после ста пятидесяти.

— Я не просила свидания, — сказала она.

— У вас есть право на последнее прошение.

— Удивительно щедро для людей, которые к утру отрубят мне голову.

— Приговор я изменить не могу.

— Знаю.

— Освободить вас тоже.

— Это я знаю ещё лучше.

Он говорил ровно, как всегда, только сегодня эта ровность давалась ему усилием. Иара заметила это и отвернулась от окна.

— Тогда зачем пришёл сам?

Рейн помолчал.

— Потому что вы просили передать прошение только мне.

— И передали?

— Да.

— Значит, во дворце ещё остался один человек, способный прочесть записку и не продать её канцлеру по дороге. Приятное открытие под конец жизни.

Он не улыбнулся. Почти.

Иара подошла к столу. На запястьях темнели следы от ритуальных скоб. Она спрятала руки в рукава не из стыда — просто не хотела, чтобы Рейн снова посмотрел на них тем своим отсутствующим взглядом. Так смотрит человек, который запоминает рану вместо того, чтобы иметь право на ярость.

— Моей дочери десять, — сказала она.

Он поднял глаза.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь, что у меня есть дочь. Это не одно и то же.

Иара вынула из-за ворота тонкий медный жетон. Круг, перечёркнутый тремя линиями. По краю — семь едва заметных зарубок. На первый взгляд обычная родовая безделушка.

Она положила жетон на стол.

Рейн не прикоснулся к нему.

Хорошо.

Значит, хотя бы часть старых инстинктов у него сохранилась.

— Когда ей исполнится двадцать четыре, — сказала Иара, — двор вспомнит о ней сразу весь. Ей объяснят, что она больна. Предложат лечение. Подберут правильных людей. Принесут бумаги. Будут говорить очень разумно.

— Иара...

— Не перебивай. У меня осталось слишком мало часов, чтобы тратить их на твою вежливость.

Он замолчал.

— Я не прошу тебя прятать её. Не прошу увозить из королевства. Не прошу убивать тех, кто к ней подойдёт. Хотя последняя часть мне особенно нравится.

— Что вы просите?

Иара посмотрела на него.

За четырнадцать лет она видела Рейна разным: залитым чужой кровью; спокойным возле трона; почти мёртвым после северной кампании; с младенцем на руках, которого ему сунула испуганная служанка; стоящим у двери комнаты, где умирала ведьма, и не имеющим права войти.

Она никогда не видела его свободным.

— Не позволяй никому сделать за Мару её последний выбор.

Он нахмурился.

— Какой выбор?

— Если бы я могла назвать его вслух и быть уверенной, что эти стены не умеют слушать, я бы не ждала ночи перед казнью.

Его взгляд стал жёстче.

— Стены не слушают.

— Нет? — Иара кивнула на его левую руку.

Печать клятвы была скрыта под перчаткой, но оба знали, что она там. Чёрная сетка от костяшек к запястью, дальше

под рукав, глубже, чем кожа.

Рейн медленно снял перчатку.

Линии на тыльной стороне ладони выглядели почти спокойными.

— Что вам известно о моей клятве? — спросил он.

— Достаточно, чтобы не доверять тебе всю правду.

На этот раз он действительно изменился в лице.

— И всё же доверяете дочь.

— Нет. — Иара покачала головой. — Я доверяю твоему самому отвратительному качеству.

— Какому именно?

— Если ты дал слово, ты будешь исполнять его даже после того, как забудешь, зачем.

Рейн посмотрел на свою руку.

Иара поняла, что попала точно.

— Были вещи, которые я забывал, — сказал он наконец.

Не вопрос.

— Были.

— Из-за печати?

— Я не знаю. И ты пока тоже не должен знать.

Он поднял на неё взгляд.

— Это плохая просьба.

— У меня плохой вечер.

— Вы хотите, чтобы я защищал решение, содержания которого не понимаю.

— Именно.

— От Короны?

Иара помолчала.

— От любого, кто назовёт чужое решение её спасением.
Включая тебя.

Рейн застыл.

Вот теперь она увидела то, ради чего рискнула разговором: он не узнал сказанное и не испугался — он сопротивлялся самой мысли.

Хорошо.

— Особенно меня? — спросил он.

— Особенно тебя, если однажды окажется, что рядом с тобой ей легче дышать.

Он резко повернул голову. Другой человек, пожалуй, отступил бы.

Иара устало улыбнулась.

— Вот. Теперь я знаю, что дошла до нужного места.

— Вы говорите загадками.

— Я пытаюсь оставить дочери шанс, а не инструкцию для тех, кто обыщет мою камеру после смерти.

Она подтолкнула медный жетон по столу.

— Это ей. Не сейчас. Когда поймёшь, что двор начал выбирать за неё.

Рейн всё ещё не брал жетон.

— Почему не передать через сестру?

— Потому что Брида любит меня достаточно, чтобы сделать глупость. А ты служишь достаточно долго, чтобы сна-

чала проверить, где ловушка.

— Вы очень странно раздаёте комплименты.

— Последняя ночь. Могу позволить.

Он наконец взял жетон двумя пальцами.

На мгновение чёрная печать на его руке дёрнулась.

Совсем чуть-чуть.

Но Иара увидела.

Рейн тоже.

Они посмотрели друг на друга.

— Что это? — спросил он.

— То, чего ты не должен помнить раньше времени.

— Иара.

— Нет.

Она подошла ближе.

Усталость уже начинала ломать колени, но на последние слова силы хватит.

— Дай мне клятву, Рейн Арден.

— Какую?

— Когда придёт её время, ты не позволишь Короне, Совету, её страху, её крови — или себе — назвать принуждение выбором.

Он молчал долго.

За стеной прошёл караул. Во дворе ударил молоток. Где-то далеко засмеялась женщина, не зная, что в башне решается чужая жизнь через четырнадцать лет.

— Я связан с троном, — сказал Рейн.

— Именно поэтому ты мне нужен.

— Если ваш приказ вступит в прямое противоречие с моей клятвой...

— Тогда выбирай не приказ.

Он усмехнулся без веселья.

— Вы просите человека, сделанного из клятв, выбрать между клятвами.

— Я прошу человека вспомнить, что он человек.

— Не уверен, что это ещё возможно.

— Значит, проверишь.

Иара протянула руку.

Он задержал на ней взгляд, затем опустил на одно колено.

Не перед осуждённой.

Не перед ведьмой.

Перед обещанием, которое пока не понимал.

— Клянусь, — сказал он. — Когда придёт время Мары Вейл, я не позволю никому сделать за неё последний выбор. Если её решение будет продиктовано чужой клятвой, страхом или принуждением, я не приму его как свободное. Даже если этим человеком окажусь я.

Ни кровь, ни Печать не отзывались. Иара намеренно не дала ему ритуальной формулы и не потребовала закрепить слово магией. Ей был нужен не ещё один поводок на его шее, а обещание, которое он сможет нарушить — и потому каждый раз будет вынужден выбирать, исполнять его или нет.

Печать на его руке вспыхнула больно и быстро.

Рейн вздрогнул.

Иара выдохнула.

Вот теперь хватит.

— Хорошая клятва, — сказала она. — Ненавижу, когда ты умеешь красиво.

Он поднялся.

— Я могу сделать ещё что-то?

Иара посмотрела в окно.

Над двором наконец закружились первые снежинки.

— Да.

— Что?

— Завтра не дай мне упасть на лестнице. Я хочу выйти туда на своих ногах. Пусть хоть это им не достанется.

Рейн закрыл глаза на мгновение.

— Хорошо.

У двери он остановился.

— Как её зовут полностью?

Иара улыбнулась, уже не глядя на него.

— Мара Иара Вейл. Но если когда-нибудь скажешь ей второе имя без крайней необходимости, я найду способ вернуться и испортить тебе бессмертие.

Впервые за всю ночь Рейн тихо рассмеялся.

Всего один раз.

Потом ушёл.

На рассвете снег лежал на помосте ровным белым слоем.

Рейн действительно поддержал Иару только на последней ступени, когда нога подвела. Так незаметно, что толпа не увидела.

Она увидела.

Перед тем как шагнуть вперёд, Иара посмотрела не на королеву, не на канцлера и не на палача.

На закрытую ладонь Рейна, где под перчаткой лежал медный жетон с семью зарубками.

Мара когда-нибудь узнает, что он означает.

Но, если Иара всё рассчитала правильно, сначала ей придётся решить, кому вообще позволено объяснять ей собственную судьбу.

Эта мысль оказалась достаточно хорошей для смерти.

Глава 1. Чёрные корни

Через четырнадцать лет снег снова шёл над дворцом, но теперь ложился прямо на плечи Мары Вейл, на край чёрного капюшона, на ресницы и на ритуальный клинок у неё в руках. Внутренний двор был полон народа.

Не безликой массой — людьми. Тёплыми, шумными, зябнущими в мехах, шёлке, дорогих плащах и дешёвой шерсти, слишком живыми для зрелища, на которое их согнали.

Их собрали по приказу канцлера, чтобы милость короны увидели все. Чтобы дворяне восхищённо шептались, горожане крестились, а мальчик на каменном возвышении перестал быть ребёнком и превратился в правильно устроенное представление.

Сын герцога Левенского сидел в кресле, обитом тёмно-синим бархатом, и с трудом удерживал голову прямо. Ему было не больше шестнадцати. Под тонкой кожей на шее проступали чёрные жилки. Из уголка рта стекала струйка крови. Проклятие проросло глубоко.

Мара подошла к нему и остановилась на расстоянии вытянутой руки. Во дворе сразу стало тише. Она чувствовала на себе взгляды — дам в жемчуге, лордов с тяжёлыми печатками, пажей, лекаря у колонны, канцлера на возвышении, королевы под серебристым балдахином. И ещё один, отдельный от прочих. Из тени мраморной арки слева.

Рейн Арден стоял там, как стоял всегда: неподвижно до такой степени, что глаз цеплялся за него невольно. Высокий, в тёмном форменном кафтане без лишнего блеска, с мечом у бедра и белым шрамом у виска. Снег таял у него на плечах и ничуть не смягчал его. Он выглядел частью утра — такой же холодной и беспощадной.

Мара отвела глаза первой. Не из смущения — из здравого смысла. На королевского Щита лучше не засматриваться: красота заканчивалась ровно там, где становилось ясно, что перед тобой клинок.

— Начинайте, госпожа Вейл, — произнёс канцлер Моркан.

Голос у Северана Моркана был гладким, как и он сам. Седые волосы лежали безукоризненно, тёмно-зелёный плащ сидел идеально, тонкие пальцы покоились спокойно. Так, должно быть, выглядит человек, умеющий распоряжаться чужой смертью и при этом не пачкать манжеты.

Мара не поклонилась. Она вообще почти никогда не кланялась, если речь не шла о королеве, и даже тогда делала это так, словно проверяла пол под ногами. Она сняла перчатки.

Холод сразу впился в пальцы, и это было кстати. Он собирал её, возвращал к телу и не давал слишком рано услышать шёпот тьмы.

Мальчик на кресле дёрнулся и поднял на неё мутные глаза.

— Больно будет? — прошептал он.

Отвечать на такое ей никогда не хотелось. Люди почему-то верили, что честный ответ хоть немного умаляет боль. На самом деле он делает её только точнее.

— Да, — сказала Мара.

Он закрыл глаза.

— Я не умру?

— Если будете сидеть смирно и не попытаетесь вырвать руку из кольца, то нет.

— А вы?

Станный вопрос. Мара задержала взгляд на его лице. Со всем мальчишка — до боли юный для чёрных корней под кожей и ещё слишком живой для того, что уже ползло внутри.

— Я — вряд ли, — сказала она сухо.

По толпе прошёл нервный смешок. Людям нравилось, когда ведьма говорила резко. Так было проще не думать о том, что именно она сейчас сделает.

Лекарь поставил на каменный столик серебряную чашу с углями, сосуд с соляным настоем и плоскую коробку, внутри которой лежал ритуальный мел. Мара взяла кусочек мела и начертила на камне круг, потом второй, потом знаки отсечения — острые, похожие на ветви, если ветви умеют резать плоть мира. Мальчик дышал всё чаще.

— Смотрите на меня, — сказала Мара.

Он подчинился. Она коснулась его лба двумя пальцами. И сразу увидела.

Проклятие всегда выглядело по-разному. Иногда — как

ржавчина в крови. Иногда — как стеклянные осколки под кожей. Иногда — как туман, набитый иглами.

У этого мальчика оно было корнями. Толстыми, блестящими, чёрными, они тянулись от сердца к горлу, к глазам, к языку, обвивали рёбра изнутри, осторожно, почти любовно, как плющ обнимает стену старого дома. Голод шевельнулся у Мары под грудиной.

Голод был не совсем её. То, что оставалось после каждого ритуала, просыпалось, стоило Маре погрузиться достаточно глубоко. Тьма узнавала тьму и тянулась к ней. Мара взяла клинок.

Он был коротким, узким, без украшений, только у основания темнел знак рода Вейл — три пересекающиеся линии. Лезвие выглядело обычной сталью, но если долго на него смотреть, казалось, что металл шевелится. Будто где-то в глубине под тонкой зеркальной поверхностью течёт чёрная вода.

— Держите его, — сказала Мара.

Два стража встали по бокам кресла. Лекарь прижал к груди мальчика серебряный амулет. Тот зажмурился. Мара шагнула в круг.

Ей всегда не нравился этот момент — миг перед рассечением, когда мир ещё держится, а потом вдруг уже нет. Она вдохнула, коснулась клинком собственных губ, почувствовала знакомый солёный вкус крови и произнесла древнюю формулу:

— Не плоть режу, не душу, не память. Отсекаю лишь то, что пришло чужим и должно уйти.

Клинок вонзился в воздух у груди мальчика.

Снаружи люди видели только пустоту между лезвием и телом. Мара же вошла глубже, туда, где тьма уже считала себя хозяйкой. Клинок упёрся во что-то вязкое, похожее на мокрые канаты. По рукам ударил холод. Чёрные корни судорожно дёрнулись. Мальчик закричал.

Толпа тоже ахнула, кто-то в задних рядах перекрестился, кто-то поспешно отвернулся, но Мара уже не слышала. Она видела только внутреннюю сеть — пульсирующую, дрожащую, ползущую. Резать нужно было быстро и точно. Один лишний нажим — и сердце разорвётся. Одна слабость — и корни вернутся. Она отсекла первый. Второй. Третий.

Чёрная жидкость брызнула не в мире людей, а в том слое реальности, где работала её магия. Она хлынула по руке к локтю, к плечу, к шее. Горячая, как расплавленный металл, и холодная, как лёд под кожей. Тьма проходила через неё, и это было всегда одинаково: мерзко, больно, почти сладко. Мара стиснула зубы.

Корни начали рваться один за другим. Мальчик дёргался так, что стражи едва удерживали кресло. На лбу лекаря выступил пот.

— Ещё, — прохрипел кто-то.

Кто-то снаружи. Кто-то живой. Возможно, герцог. Но Мара уже знала: глубже, чем они рассчитывали. Намного глуб-

же.

Под сердцем мальчика, в самой сердцевине чёрного сплетения, шевельнулось нечто, не похожее ни на корень, ни на метку, ни на обычную порчу. Глаз.

Чёрный, влажный, немигающий глаз раскрылся прямо внутри проклятия и посмотрел на неё. Мара похолодела. Этого не могло быть.

Искусственное усиление. Кто-то подкармливал проклятие извне. Кто-то хотел, чтобы оно не просто убивало, а училось. Глаз моргнул. И тьма рванула на неё.

Клинок выскользнул из руки. По двору прокатился крик. Чёрная волна ударила Маре в грудь, рот, глаза. Мир на миг стал густым и маслянистым. Снег потемнел, лица расплылись в белые пятна. В каждом сердце вокруг была тёплая кровь, в каждом теле — тонкая трещина, куда так легко ввести холод. Голод проснулся целиком.

Она могла бы выпить это проклятие до дна. Могла бы вырвать его из мальчика и проглотить. Могла бы взять лишнее. Многовато. Всё. Чьи-то пальцы сомкнулись на её запястье. Жёстко. Горячо. Невозможно вовремя.

Мара судорожно вдохнула, выныривая после слишком долгого погружения. Мир вернулся рывком: снег, камень, толпа, крик мальчика, кровь, дым. Ритуальный клинок снова оказался у неё в ладони. Рейн.

Он стоял вплотную. Под тканью форменного кафтана чувствовалось напряжение его тела. Пальцы крепко держали её

запастье, не давая вырваться, и тьма отступила, наткнувшись на это прикосновение, как на стену. Мара уставилась на него.

Лицо Рейна оставалось неподвижным. Ни страха, ни вопроса, ни жалости — только прямое спокойствие человека, который единственный во дворе не пришёл смотреть зрелище.

— Заканчивайте, госпожа Вейл, — сказал он.

От его голоса кожа на шее покрылась мурашками.

Мара отвернулась, чтобы никто не заметил, как сбилось её дыхание.

Она ударила клинком ещё раз — точно, без колебаний. Чёрный глаз лопнул. Корни разом обмякли. Тьма хлынула через её руки, вниз по позвоночнику, в пол, в круг, в специально подготовленные серебряные канавки. У отсечения было простое правило, которому её учили раньше красивых формул: срезанное не исчезает. Ему всегда нужен сток — серебро, земля, сосуд или тот, кто по глупости согласится принять остаток в себя. Мальчик закричал в последний раз и обмяк в кресле. Тишина повисла над двором.

Потом лекарь приложил пальцы к его шее.

— Жив, — выдохнул он.

Толпа заговорила сразу вся — благодарность, облегчение, плач, восторг, шёпот ужаса. Королева склонила голову. Герцог закрыл лицо рукой. Снежинки таяли на багровых следах вокруг ритуального круга. Мара отступила. Её мутило. Рейн убрал руку, и сразу стало хуже.

Она спрятала дрожь, согнув пальцы в кулак. Только бы не здесь, не при дворе. Канцлер спустился с возвышения.

— Блестяще, как всегда, — сказал он. — Корона благодарит вас, госпожа Вейл.

Слова были безупречны, как и тон. Но Моркан смотрел уже не на спасённого мальчика, а на Мару — оценивал. Он видел срыв и запомнил его. Она вытерла лезвие о чёрную ткань.

— Передайте короне, что в мальчика вливали искусственную подпитку, — сказала она. — Это не обычное проклятие. Герцог резко вскинул голову.

— Что?

— Кто-то усиливал корни извне. Либо ваш сын очень неудачно выбрал друзей, либо кто-то в вашем доме хотел довести дело до погребального звона.

По двору пронеслось ошеломлённое шушуканье. Канцлер улыбнулся чуть заметно.

— Серьёзное обвинение.

— Серьёзное проклятие.

— И всё же, вероятно, не стоит обсуждать семейные вопросы герцога при всех.

— Тогда не устраивайте мои ритуалы как театр.

В толпе кто-то задохнулся от смеха, кто-то от ужаса.

Королева подняла руку, и двор мгновенно замолчал.

Элеонора сидела прямо, несмотря на холод. На ней было светлое платье цвета зимнего льда и тяжёлая мантия, оторо-

ченная белым мехом. Волосы, тёмные с редкими серебряными нитями, были убраны так просто, что это казалось большей роскошью, чем драгоценности других дам. Лицо у неё было красивое и усталое. Не от возраста. От власти.

— Госпожа Вейл права в одном, — сказала королева. — Это дело требует отдельного расследования. Сына герцога немедленно перевести под охрану дворцовых врачей. Никому не приближаться к нему без моего распоряжения.

Герцог поклонился так низко, что едва не коснулся пола лбом. Мара опустила взгляд.

Королева посмотрела на неё чуть дольше, чем обычно. Не как на подданную. Как на проблему, которую жаль, но всё равно придётся решать. Очень нехороший взгляд.

Лекари и слуги уже уводили кресло с мальчиком. Двор медленно приходил в движение, будто после тяжёлого спектакля. Кто-то обсуждал чудо исцеления, кто-то — дерзость ведьмы, кто-то уже придумывал, кому выгодно было проклятие в доме герцога. Снег продолжал падать, укрывая тёмные брызги на камнях.

— Вы побледнели, — раздался низкий голос справа.

Мара не повернулась.

— Вы, вероятно, хотите сказать: «вы выглядите так, словно вас сейчас стошнит». Да. Именно это.

— Лучше уйти до того, как это заметят.

— Поздно. Все уже заметили.

— Не все.

Мара повернулась к Рейну. Он стоял чуть сбоку, не заслоняя её от чужих глаз. Между бровями залегла едва заметная складка.

— Вы вмешались в ритуал, — сказала Мара.

— Вы теряли контроль.

— Я не просила помощи.

— Я тоже.

Вот за это ей и хотелось иногда ударить его тяжёлым подсвечником. За манеру говорить вещи так, будто они лишены чувств и потому окончательны.

— От вашего прикосновения стало легче, — сказала она тихо. — Почему?

— Не знаю.

Он солгал не глазами и не голосом. Ответ прозвучал без паузы и ровнее, чем следовало. Мара сузила глаза.

— Вы что-то скрываете, господин Арден?

— Все что-то скрывают, госпожа Вейл.

— Очень философски.

— Очень практично.

К ним уже двигался главный лекарь, сутулый старик с запахом трав, спирта и вечного недовольства. За ним семенила молодая помощница с ящиком инструментов.

— Немедленно в лечебное крыло, — сказал старик. — У вас зрачки расширены.

— Какой ужас. Неужели я посмотрела на двор?

— Не острите, девочка.

— Мне двадцать четыре.

— Для беды — достаточно мало.

Он схватил её за локоть, но Мара мягко высвободилась. Не хотелось, чтобы кто-либо кроме неё и одного до тошноты спокойного мужчины замечал, как всё ещё дрожат её пальцы.

Они пошли через аркаду в сторону внутренних коридоров. Люди расступались. Придворные кланялись королевскому Щиту. Некоторые делали вид, что не замечают Мару, хотя замечали все. Она ощущала взгляды спиной.

Ведьма-палач. Последняя официально признанная ведьма главной линии Вейл. Женщина, которая режет проклятия из чужой плоти и остаётся после этого живой. Женщина, которой осталось меньше месяца до дня рождения.

Мара знала, что слухи уже ползут по дворцу быстрее огня в сухой траве.

В лечебном крыле было жарко. Здесь пахло воском, иссушенными корнями, кипячёной водой и той особой чистотой, которая всегда немного напоминает о крови. Старик-лекарь заставил её сесть на высокий стул у окна, вложил в ладонь серебряный шарик для проверки остаточного заряда тьмы и принялся бормотать себе под нос. Шарик потемнел почти сразу. Лекарь выругался.

— Слишком много, — сказал он. — Вы втянули слишком много.

— Я заметила.

— Если сегодня ещё раз войдёте в круг, у вас начнутся

припадки.

— Не войду.

— Не обещайте того, что вам не принадлежит.

Это прозвучало слишком зло даже для него. Мара подняла глаза. Лекарь отвёл взгляд первым.

— Сколько? — спросила она.

Он молчал.

— Я спросила, сколько.

Старик медленно поставил шарик на стол.

— Двадцать девять дней, — сказал он.

В комнате вдруг стало так тихо, что она услышала потрескивание фитиля в настенной лампе. Двадцать девять.

Не тридцать, не почти месяц и не когда-нибудь скоро.

Двадцать девять дней до её двадцать пятого дня рождения. До того момента, когда, как Мару учили с детства, тело ведьмы рода Вейл перестаёт выдерживать накопленную тьму без брачной связи. Двадцать девять дней до безумия, голода, превращения, о котором в учебниках писали сухо, а старые няньки — шёпотом. Под левым ребром неприятно заныл тонкий белёсый рубец от первого дворцового посвящения. Он иногда ныл после тяжёлых ритуалов; лекаря это никогда не удивляло, а Маре до сегодняшнего дня не приходило в голову спросить почему.

— Ясно, — сказала Мара.

Её голос прозвучал спокойно. Почти лениво. Она этим гордилась и ненавидела себя за это одновременно.

— Вам нужен отдых, — сказал лекарь. — И стабильный якорь.

— Якорь в виде мужа?

— В виде правильно заключённого союза.

— Какая изящная формулировка для паники.

Лекарь поджал губы.

— Не я устанавливал правила магии.

— Нет. Только все вы с огромным удовольствием напоминаете мне о них.

Старик вздохнул. На мгновение он показался не строгим, а просто очень старым.

— Мара...

Она подняла руку.

— Не сейчас.

Он кивнул и занялся приготовлением настойки. Рейн всё это время стоял у двери. Так тихо, что о нём легко было забыть. Если бы вообще кто-то мог забыть о человеке, присутствие которого ощущалось как лезвие, приложенное к шее мира.

— Вы можете уйти, — бросила Мара, не глядя на него. — Я уже не падаю в обморок. Какое разочарование.

— У меня приказ сопровождать вас.

— Я не заключённая.

— Пока нет.

Она резко повернула голову. Он не усмехнулся. Никак не дал понять, что сказал жестокую вещь. Возможно, даже не

заметил этого. В этом было самое невыносимое.

— Это была шутка? — холодно спросила она.

— Нет.

— Прекрасно. Ненавижу, когда смешно.

Лекарь с грохотом поставил на стол стакан с густой тёмной жидкостью.

— Пейте.

Мара понюхала.

— Пахнет могилой.

— Значит, эффективно.

Она выпила залпом. Настойка обожгла язык

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.